

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-223-232

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ: ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

Владимир Николаевич Гурба

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825

Аннотация. *Целью статьи* является анализ содержания и перспектив денацификации Украины как системного процесса «оздоровления» общества, государства и массового сознания на основе преодоления рецидивов нацизма и национализма, критики старых и новых мифов, связанных со становлением украинского государства и нации, а также преодоление культурной травмированности массового сознания под влиянием постмодернистского либерального дискурса декоммунизации и дерусификации украинского общества. На основе реализации методологического принципа единства исторического и логического в статье определяются концептуальные и социально-практические параметры денацификации. Делается вывод о том, что денацификация украинского общества является длительным процессом, связанным с результатами демилитаризации правовых и политических процедур, направленных на формирование ответственного гражданского общества, развития системы самоуправления, реформированием сферы медиа, культуры и образования.

Ключевые слова: денацификация, украинское общество, массовое сознание, культура, мифология, историческая память, антироссийское государство, декоммунизация, дерусификация

Для цитирования: Гурба В.Н. Денацификация Украины: политико-философский контекст // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 223–232. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-223-232>.

Original article

DENAZIFICATION OF UKRAINE: POLITICAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT

Vladimir N. Gurba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825

Abstract. *The purpose of the article* is to analyze the content and prospects of denazification of Ukraine as a systemic process of «recovery» of society, state and mass consciousness on the basis

of overcoming relapses of Nazism and nationalism, criticism of old and new myths associated with the formation of the Ukrainian state and nation, as well as overcoming the cultural traumatization of mass consciousness under the influence of postmodern liberal discourse of decommunization and de-russification of Ukrainian society.. Based on the implementation of the methodological principle of the unity of historical and logical, the article defines the conceptual and socio-practical parameters of denazification. It is concluded that the denazification of Ukrainian society is a long process associated with the results of the demilitarization of legal and political procedures aimed at the formation of a responsible civil society, the development of the self-government system, the reform of the media, culture and education.

Keywords: denazification, Ukrainian society, mass consciousness, culture, mythology, historical memory, anti-Russian state, decommunization, de-Russification

For citation: Gurba V. N. Denazification of Ukraine: political and philosophical context // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 223–232. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-223-232>.

Актуальность темы исследования. Казалось бы, денацификация прочно вошла в общественно-политический дискурс в период после Второй мировой войны как результат урока человечества о неприятии, нетерпимости и постоянной борьбы с человеконенавистнической идеологией, содержащей комплекс идей расового превосходства геноцида и преследования социальных и этнических групп по признаку «неполноценности». Нюрнбергский трибунал 1945 г. был призван положить начало искоренению нацизма, запрета в различных формах и проявлениях, утверждению формулы «это никогда не должно повториться». Однако, как свидетельствует новейшая история, нацизм актуализируется и наполняется действием и смыслом не только в политических и социально-маргинальных группах, движимых интересом к заповедям «третьего рейха», но и становится идеологией государств и обществ [8]. Современная Украина тому очевидное подтверждение.

«Коллективный Запад» выражает недоумение и негодование относительно целей и содержания денацификации Украины, провозглашенной в процессе проведения специальной военной операции, как решающий аргумент используется якобы почти нулевая популярность структур ультрарадикалов, «успехи» молодой украинской демократии, процесс интеграции с западными экономическими и политическими институтами и миссия Украины быть форпостом западной цивилизации на рубежах России. Ясно, что в «новом глобальном порядке», доминирую-

щем на Западе, проявляется качество либерализма быть рассадником леокейонных фашистских, а как теперь выявляется, и нацистских идей [3]. Украина, которая стала притчей во языцех с начала обретения суверенности, последовательно определялась как антиросийское государство, где под видом декоммунизации происходила грандиозная по масштабам и затратам работа по перестроению общественного сознания, по созданию украинской политической нации не столько в качестве аналога европейства, в равной степени воплотившего идеи классического интегрального украинского национализма, входящего истоками в идеологию голичанства, но и «опыта третьего рейха» [1].

В этом смысле денацификация Украины характеризуется как долгосрочный процесс, определяемый и внешними факторами (принуждение Украины к миру, ее демилитаризации), и внутренними (катарсис общественного сознания, возвращение к духовным историческим истокам, недопустимость этнической, этноязыковой, этнокультурной дискриминации, федерализация общественно-политического устройства). Но, признавая приоритет поставленных задач, требуется определиться с тем, что собой представляет украинский нацизм, в каких сферах общественной жизни его проявление аксиоматично. И если дать диагноз «наличному нацизму», у нас возникает уверенность в поиске и обретении инструментов «лечения» украинского общества, которое, как свидетельствуют свежие события, не просто «оболванено и одур-

манено» (к сожалению, активная часть населения принимает безоговорочно постулаты западной и украинской пропаганды), но и нацелено принимать непобедимость украинской армии и уникальность украинской нации как воплотившей идеи «украарийства». Таким образом, для исследователя стоит сложная, но безальтернативная задача концептуально осмыслить украинский нацизм и на основании выверенных выводов надеяться на достижимость заявленной главной цели¹.

Методология исследования. Изучение нацизма имеет давнюю традицию, но ощущаю влияние приходящих политических и идеологических факторов, ведь по существу работа по искоренению нацизма не была завершена полностью. Можно сослаться и на наступление периода «холодной войны», и на снисходительность Соединенных Штатов и их послевоенных союзников к планам возрождения немецкого реваншизма, также неоспоримы уже факты сотрудничества с бывшими «нацистами» в реализации «господства» свободного мира от Советского Союза. Не менее важна последовательная политика оправдания коллаборационизма в странах Прибалтики и Восточноевропейских государств [6]. Это неудивительно в контексте того обстоятельства, что нацизм задумывался и поощрялся Западом, и это очевидно по траектории немецкого нацизма как противодействия к наступлению коммунизму. Можно сказать, немецкий нацизм так и не вышел бы из зародышевого состояния, если бы не помощь американского капитала (Форд, Детердинг). В той же степени к укреплению нацизма и выходу на политическую арену сначала внутри Германии, а затем и в Европе руку приложили антикоммунистические политические элиты Германии и Франции.

Поэтому есть «запрет» на объективное исследование нацизма и как идеологии, и как политической практики. Для нас важно исходить из того, что нацизм в современной Украине является политико-идеологическим феноменом и обладает рычагами реального воздействия на внутривнутриполитическую жизнь,

на общественные настроения, на формирование в украинском обществе массовой агрессии по отношению к «инакомыслящим», просто не согласным с политикой насильственной культурно-языковой ассимиляции, с ревизией исторической памяти, с привлечением языка вражды и ненависти в отношении славянских народов.

Таким образом, определяя методологию исследования темы как принятия позиции объективно-субъективного анализа, мы обязаны, во-первых, согласиться с тенденциозностью и односторонностью понимания нацизма в западной официальной традиции. Во-вторых, признавая ценность эмпирических обобщений, сделанных квалифицированными зарубежными исследователями нацизма, попытаться в рамках советского и современного опыта оценки нацизма проявить методологическую принципиальность, следовать системности и непротиворечивости, рассматривать украинский нацизм в контексте его генезиса и логики [10]. Это важно потому, что вне истории (генезиса) украинский нацизм представляется как эпизод сотрудничества украинских националистов с нацистской Германией во времена Второй мировой войны и имеет риск ассоциироваться с возможностями героизации и реабилитации нацистских пособников в современный период. Также логика исследования должна основываться на принятии социально-философских принципов системности и критичности в связи с действующими идеологическими схемами и наслоениями предшествующей эпохи. Необходимо отметить, что, формулируя вопрос о методологическом выборе в контексте денацификации украинского общества, следует не только ожидать «подозрения» в эпистемологической неполноте, но и признать, что денацификация всегда является горячим политическим моментом на ее причинах и пониманиях конфликта противоположных политических интересов на внутреннем и внешнем уровнях.

Поэтому в рамках исследования есть повод еще раз вспомнить о классическом философском наследии, о том, что денацификация есть предмет рационального философского

¹ Сорокин Н. Денацификация: необходимость очищения украинского общества [Электронный ресурс] // Сообщество «Схватка за Украину». Завтра.ру. 28.02.2022. URL: <https://zavtra.ru/blogs/denatcifikatciya>.

истолкования, нацеленного на обоснованность и достоверность результатов [11]. Вероятно, чтобы избежать тенденциозности, мы в этом ключе опираемся на труды отечественных историков, юристов, социальных психологов, имеющих уникальный опыт осмысления денацификации Германии и Австрии в послевоенный период. При этом денацификация Украины есть повторение ошибок и достижений прошлого. С конца 90-х гг. XX в. в либеральной мысли проявился интерес к оценке зарубежной схемы денацификации, особенно американской: обращая внимание на особенность и различия процессов денацификации в Западной и Восточной Германии [5], мы определяем различия целей и способов, когда для наших бывших союзников денацификация Германии характеризовалась ее реконструкцией как либерального государства, и как следствие — мобилизационный проект о воссоздании системы правосудия, образования, кадровой подготовки, включающий денационализацию государственных структур общественного сознания, перевод системы образования в рамки либеральной концепции и главное — прохождение точки невозврата в Германии как самостоятельного субъекта международной политики.

В настоящий момент Россия имеет дело с бывшей советской республикой, входившей в состав СССР и прошедшей период борьбы с нацизмом. Это уже накладывает ограничения методологического характера с актуализацией только критического метода общеидейного наследия, хотя и формировалось в течении тридцати лет украинскими элитами, сохраняется на коллективном уровне в качестве архетипов массового сознания. Но сложность момента состоит в том, что произошла манипуляция общественным сознанием на Украине по двум основаниям: это была якобы чужая война, в которую украинский народ был втянут помимо собственной воли, реально являясь жертвой большевизма и нацизма; честь украинской нации поддерживалась героями бандеровского сопротивления и мучениками совести в послевоенный период в среде украинской диссидентской интеллигенции.

Мы можем вспомнить, что украинский национальный ренессанс в 90-е г. XX в. начался воздаянием по заслугам «узникам»

совести стараниями киевских идеологов возрождения украинского духа и культуры. Возникли массовые националистические движения, которые не проповедовали открыто культ Бандеры, Шухевича, Коновальца, но уже работали исключительно в контексте формулы «Украина — не Россия» и десятилетней борьбы украинского народа за свободу и независимость. На политической сцене позднесоветской Украины под национально-либеральными лозунгами появилась такая организация, как «Рух», в ее программе проводилась идея украинской государственности и украинской нации, противодействия русификации и обращения к истокам украинской культуры и мысли. Самобытный украинский философ Г. Сковорода, который воспринимается националистами подобно Н. Гоголю не персонажем украинской истории в силу духовного родства с русской культурой и русским православием, включается в пантеон украинских мыслителей, а если обратиться к творчеству Тараса Шевченко, то из трагической судьбы поэта был сконструирован образ борца с русским самодержавием как носителем украинской национальной идеи, с русофобией, скрываемой под видом освобождения от имперского гнета.

Таким образом, в методологии исследования признается необходимость разброса оценок и толкований исследуемого объекта, но при этом учитывается классический тип рациональности и движения научного исследования от модерна в постмодерн. Иными словами, для нас важной становится оценка постмодернистского либерального дискурса [4], так как проводниками нацистской политики и нацистской идеологии на Украине являются представители так называемого креативного класса, кстати, происхождением из центральной и восточной Украины в традиционном смысле регионов с российским и «малороссийским» культурным наследием. Если вспомнить, что по заключению Л. Кравчука, президенты Украины Кучма и Ющенко имели формы Малороссии и Новороссии, ясным является понимание симбиозности бандеровского национализма и приятие русофобии как инструмента субъектности правящих элит.

В противоположность философскому модерну внедряемая нацистская идеология отвергает нарратив неприятия нацизма и ле-

гитимирует многообразные националистические, нацистские группировки, принимая их в качестве носителей украинской идеи, украинских патриотов, как на практике, так и в теории, как объяснение нового постсоветского единения, позволяющего освободиться от схем российского неоимператорского мышления, переключения в мировую глобальную цивилизацию. Денацификация украинского общества в силу отмеченных обстоятельств является процессом, требующим перестройки интернациональных основ сфер образования, культуры, массмедиа, политики, катарсиса общественного сознания и соответственно выявления с одной стороны особенностей денацификации по сравнению с демилитаризацией, с другой — их интегрированности. Денацификация Германии началась с поражения под Сталинградом, так же и успех денацификации на Украине будет нарастать с завершением текущих военных операций, с утратой боеспособности украинской армии, уничтожением нацистских военных формирований, блокированием помощи со стороны западных спонсоров нацистского режима и так называемых добровольцев, движимых идей ненависти к России [6].

Материалы исследования. В опубликованных статьях российских журналистов Н. Сорокина и Г. Бовта отмечается, что эксперимент по денацификации Украины в освобожденных районах Донбасса и Северной Таврии пока ограничивается пропагандистской работой, возвращением к традиционным «томам» советского периода, что рассчитано на историческую память старшего и среднего поколений. Это можно понять в связи с тем, что сложившаяся ситуация не позволяет приступить к решению многих задач, определяемых институциональной структурой в системе социального и политического управления. Для этого используется уже послесоветский опыт по преодолению последствий этносепаратизма на Северном Кавказе и в Поволжье. Вопрос состоит в том, что пока еще рано говорить о политической составляющей денацификации и наиболее достижимый вариант — смена состава администраций, точнее, создание военно-гражданских администраций по типу режима послевоенной Восточной Германии с ближайшей перспективой

подготовки мест и кадров из оппозиционных режиму Киева сил [2]. И здесь не следует обольщаться, что можно использовать опытных, занимающихся не только политической деятельностью, но и включенных непосредственно в процессы управления людей. За истекшее восьмилетие Майдана украинский политический ландшафт изменился не в лучшую сторону: действующие оппозиционные силы были ориентированы на овладение ресурсом власти, основываясь на собственных политических и групповых интересах, часто связанных с финансово-политическими и экономическими группировками, которые являлись спонсорами, если не националистических, то откровенно антироссийских сил, заинтересованных во вступлении в «мировой глобальный порядок» и особенно в «европейскую семью».

Реально на Украине никогда после тридцатилетия независимости не была создана жизнеспособная массовая организация, которая поддерживала бы политику реинтеграции с Россией на постсоветском пространстве с целью нового политического и экономического проекта. Об этом свидетельствует и то, что на протяжении этого периода Украина последовательно сокращала свое участие в различных структурах политической и экономической кооперации с Россией и другими постсоветскими государствами: целенаправленная работа американских «специалистов» по организации «цветных» революций, содействию масштабных ресурсов по финансированию НПО под вывеской «гражданского общества», внешне не могла быть квалифицирована как поддержка нацификации и могла быть сведена только к достижению разрыва с Россией. Но для прояснения момента требуется отметить, что роль националистических организаций была отнюдь не символической: занимая скромные позиции на электоральном поприще, их деятели диктовали политико-идеологические ориентиры партиям первого плана, а влияние оппозиционеров ограничивалось освоением ресурса недовольства населения Востока и Юго-Востока Украины. В конечном счете это привело к тому, что на последних выборах верх одержала партия «Слуга народа», возглавляемая В. Зеленским, идеально подходившим как кандидат, владеющий приемами политического постмо-

дерна, множественности политических элит с претензиями на популизм, патриотизм и откровенной демагогией. Фактически успех В. Зеленского, как и созданной ускоренным темпом партии, определялся тем, что не посягая на привилегию националистов быть идейными и политическими законодателями украинского общества, Зеленский как ставленник украинских олигархов и западных политических сил показывал себя либералом, демократом, но при этом готовым стать ярким патриотом. Очевидно, что страх перед национализмом не являлся причиной внешней принципиальной несовместимости политических позиций, гораздо убедительнее, что Зеленский следовал политике предшествующих президентов в реализации антироссийского проекта. По сравнению с Порошенко, Турчаниновым, Арсеньюком и другими деятелями Майдана он демонстрировал готовность угодить и сохранял надежды на восстановление, если не честных, то консультативных отношений с Россией. Но при этом необходимо осознавать, что, действуя формально в рамках конституции украинского законодательства, Зеленский и его команда настойчиво проводили политику уничтожения Донбасса под видом борьбы с сепаратистами и в этом смысле безоговорочно подчинялись националистическим и нацистским формированиям, управляющим деятельностью СБУ, ВСУ и других силовых структур.

Поэтому можно сделать вывод о том, что за истекшее восьмилетие был достигнут «прогресс» по зачищению политического и информационного пространства в Украине, когда под видом борьбы с сепаратизмом за сохранение территориальной целостности страны и украинской конституции путем явных репрессий, террора и угрозы судебного преследования противники киевского режима были без суда и следствия убиты или изгнаны из страны.

Практически был воскрешен опыт германского нацизма, конституционного переворота нацистами с приходом к власти в 1933 г., с созданием концлагерей, запретом оппозиционных партий и развязыванием откровенно антидемократической пропаганды в обществе. Но при этом нацистская Германия сохраняла внешние демократические атрибуты, действовала судебная система,

органы юстиции и правопорядка, взявшие на себя ответственность за национальную и гражданскую безопасность [9]. Украинское правосудие как ни старалось найти виновников одесской трагедии, не сделало ничего для прояснения событий на Майдане в 2014 г., возложив ответственность на Януковича и его окружение. Очевидно, что использование националистических мобильных групп и футбольных ультрас помогли подавить сопротивление в Одессе, Харькове, Днепропетровске и преследовали целью операции зачистку населения Донбасса.

В сложившейся ситуации денацификация Украины на примере северной Таврии показывает всю сложность начатого процесса, где для налаживания нормальной работы пока нет ни соответствующих структур, ни кадров. С этим доводом российских журналистов из издания «Коммерсант» можно согласиться и понять, что активная информационная работа с населением при использовании российских информационных ресурсов является приемлемой в нынешних условиях. Но здесь следует сделать оговорку о том, что часто временное грозит стать постоянным. Имеется в виду, что процесс денацификации может считаться состоявшимся при условии налаживания работы в наиболее прорывных направлениях в сфере школьного и высшего образования, где есть наработки российских образовательных структур, формировании системы исторического воспитания молодежи, создании работоспособных команд на местах. Также есть оптимизм по налаживанию работы региональных правовых и силовых структур, сопровождаемых нейтрализацией деятельности СБУ, которая продолжает политику террора по отношению к «коллаборационистам» (журналистам, хозяйственным управленцам). Для населения по всей Украине важно определиться с судьбой, быть уверенным в том, что Россия пришла на Украину надолго, что подобно советскому опыту денацификации перспективно создание массовых структур, аналога «Свободной Германии», объединяющих независимо от политических координат людей, способных работать на благо Украины.

Как пишет известный американский исследователь Н. Хомский, создавая будущее, война имеет противоположный смысл:

не гарантируя долгосрочного мира, являясь агрессивным милитаризмом на примере Соединенных Штатов, это есть порождение национализма как безразличия к реальности. Хомский проводит блестящий анализ грузинской операции по восстановлению территориальной целостности путем вторжения в Южную Осетию и Абхазию и подтверждает вывод о том, что осуждение России Западом за проведение специальной военной операции разделяет ответственность киевского режима за то, что нацизм на Украине несет многочисленные жертвы и злодеяния. Поэтому денацификация со стороны России есть необходимое условие для перехода к мирной жизни с устранением угрозы постоянных конфликтов со стороны киевского режима, который выполняет в Европе наряду с Польшей и Прибалтикой роль сателлитов американского гегемонизма. Интересно отметить, что идеология украинства, которая сформировалась на протяжении длительного периода украинской истории, является продуктом ассимиляции разнообразных «хтонических» и иррациональных элементов.

В контексте «галичанства» становится ясным, что этнонационализм как достояние духовного провинциализма имеет одинаковые корни на периферии европейской и мировой мысли. Действительно, «галичанство» не может гордиться вкладом в культуру. Практикуемые киевской властью обычаи и обряды являются «изобретенной» традицией, как «вышиванка»: подобное наблюдалось и наблюдается в маргинальных идейных движениях (яркий пример — хорватские усташи, которые приняли формулу геноцида по отношению к сербскому народу, только чтобы показать свою «цивилизованность» и приверженность к германскому нацизму [7]).

Важно также подчеркнуть, что в современной Украине, где культура стала заложником нацификации, проявляется деградация культуры и просвещения, так как постмодернистский проект характеризуется актуализацией националистического дискурса (постулат простоты как идеала украинской красоты в сочетании с нарративом «плавающего означаемого», релятивизма культурных значений и смыслов [4]). Это выражается в том, что украинская культура декларируется как свободная от тоталитаристских влияний, на этом

основании от процесса «декоммунизации» придается размах акциям уничтожения «всего русского» (война с памятниками) и транслируются старые и новые националистические мифы. Аналогично тому, что германский нацизм воспел культ «Валгаллы» и сформировал идеологию «ордена» (СС), в националистической среде поощрялся «Азов» как символ brutального национализма, практика языческих культов с включением нацистской символики характеризовала последовательное завершение нацификации украинской культуры. И это не противоречило и не противоречит постмодернистскому дискурсу «толерантности» с тем существенным замечанием, что толерантность провозглашается как инструмент репрессии против инакомыслия, несогласия с политикой украинизации (сложная судьба РПЦ на Украине). Это, вероятно, связано с проектом «украинского православия» подобно тому, как в нацистской Германии возник и поддерживался государством культ «немецкого христианства».

Если определять денацификацию как постоянный и длительный процесс, целесообразно расставить ключевые моменты, исходя из того, что культура нуждается в защите, что следует формировать в украинском обществе чувство принадлежности к гуманистической традиции и тем самым отстаивать православные и светские ценности на принципах гуманизма и солидарности. Необходимо понимать, что в настоящей ситуации общество на Украине находится в состоянии «толпы», ею движут псевдопророки и акционисты. Не зря поддержку и солидарность с киевским режимом проявляют те, кто провозглашает себя в России совестью интеллигенции, но в реальности являлись и являются русофобами, внедряющими постмодерн для диффамации русской культуры (не случайны нападки на православие со стороны «гельманов»). Таким образом, отстаивая Пушкина и Суворова, мы делаем свою уверенность в денацификации братства народа выражением отношения к совместному будущему, где прослеживается решение двух взаимосвязанных аспектов.

С одной стороны, есть необходимость преодоления культурной травмы, которая, на первый взгляд, является патологией общественного сознания, утратой нормативной

культуры, но, если исходить из тождественных оснований, определяется стереотипами и предрассудками как податливый материал для целенаправленных манипуляций. Фактически денацификация как освобождение от национализма и нацизма означает демифологизацию, включающую как старые, так и новые мифы (история «Голодомора») [14]: вызванное в украинском обществе чувство агрессии и зависти к русскому и российскому реализует сформулированную еще в 90-е г. XX в. концепцию украинской духовности, в которой естественным объектом ненависти и вражды становится все, что связано с Россией, с нашей общей исторической памятью. Критика сотворенных в украинском обществе мифов, и это нужно понимать однозначно, не сводится только к разоблачению «изобретенной» традиции: идеализация насилия, нетерпимости, культуры отмены замаскирована из западной мысли.

Как пишет российский исследователь О.Ю. Пленков, нацизм в Германии имел в качестве предшественника критику духовного состояния немецкой нации, обращение к созерцательной жизни прошлых времен, проповедь демодернизации [9]. Это парадоксально, так как Германия в конце XIX в. являла образец успехов модернизации, но проявлялись опасения по поводу лишения естественного единства нации и народа, и это нашло выражение в нацистской идеологии вины демократии, либерализма и модернизма [12]. Таким образом, победа мифа над разумом означала жажду преодоления распада духовной жизни и возвращения к целостности на основе отвержения современности и рационализма.

В контексте предпринимаемого исследования этот интеллектуальный опыт полезен для понимания логики денацификации, включения механизмов «терапии культурной травмы», что на начальном этапе означает возвращение к событиям совместной жизни на протяжении длительной истории, но уже в ближайшем будущем требует поддержки культурных инициатив по укреплению духовной жизни, направленной на замещение нынешней аморфной массы народом как субъектом политического и социального действия [13].

Речь идет о включении как традиционных механизмов, связанных с ответствен-

ностью интеллигенции, защитой культуры Гоголя и Сковороды, так и интеллектуальной базы для принятия новой политической культуры, содержащей перспективу переустройства гражданского общества, способного распознать рецидивы национализма и дать ответ на вызовы, неизбежные для сценариев будущего Украины. Денацификация сферы духовной жизни определяется и тем, в какой степени деятели российской культуры будут осознавать свою ответственность за проведение специальной военной операции, которая является не войной в классическом смысле, а гуманитарной миссией, и в отличие от гуманитарных интервенций НАТО в конце XX в. обладает убеждающей силой антитоталитарного консенсуса, отклонением современного либерального тоталитаризма, порождающего нарратив постмодернистского нацизма [3].

Резюме. Отмечая, что денацификация Украины, имея в виду общество, государство и массовое сознание, является системным долгосрочным процессом. Мы должны осознавать, что в контексте политико-философского анализа денацификация как процесс содержит объективный и субъективный аспекты. Объективно украинское государство сформировалось как этнократическая модель с процедурами имитации демократических институтов, что повторяет опыт нацификации Германии, где нацисты пришли к власти, используя несовершенство Веймарской Республики и способы политической демагогии и популизма. В украинском контексте денацификация имеет определенные особенности, связанные с тем, что на опыт нацификации накладываются присущие украинскому национализму претензии на тысячелетнюю историю Украины и освободительную миссию украинского народа от наземного гнета и порабощения, что являлось и является условием антироссийской модели украинской государственности. В этом смысле денацификация означает перестройку институциональной системы, содержащей блокираторы националистических и олигархических ресурсов. Начало денацификации в освобожденных районах Украины показывает трудности, связанные с дефицитом квалифицированных кадров, саботажем принимаемых военно-гражданской администрацией решений,

некоторой неясностью логики институционализации системы управления и самоуправления при поддержке гражданского общества.

Тем не менее, и это можно сделать в качестве вывода, происходит слом структуры репрессивных органов, работавших в режиме постмодернистского тоталитаризма. Действительно, денацификация характеризуется устранением порождённых в длительном процессе украинскими элитами антироссийского консенсуса и овладения ресурсами власти патриотическими силами.

В субъективном аспекте важно подчеркнуть, что верное решение о формировании нового культурно-информационного пространства не ограничивает перспективы только пропагандой и обращениями к традициям совместной жизни народов России и Украины. Необходимо реализовать дифференцированный подход, отражающий позиции и оценки различного украинского населения (интеллигенция, военнослужащие, управленцы, молодежь, сельские жители): это выражается в том, что, основываясь в принципе на верные идеи исторического братства народов, не следует, исходя из логики разумных компромиссов, внедрять модель ситуативного реагирования и избегать рисков бюрократизации. Поэтому, обращаясь к сфере культуры, медиа, образования, стоит объединить усилия на выработке решений, способных нейтрализовать постмодернистский либеральный дискурс, который стараниями киевских властей сформировал в украинском обществе атмосферу «демократической нетерпимости» к инакомыслию и распространению постправды как нарратива ненависти к вражде, к России и к русскому. Остановить процесс зачистки исторической памяти и «войны с памятниками» можно, если за этим последует кропотливая работа российских общественных и государственных институтов по формированию системы воспитания молодежи и налаживания диалога людей через принятие общих целей по созданию лучшего будущего для Украины.

Список источников

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 367 с.

2. В Северной Таврии Россия проводит эксперимент по денацификации // Независимая газета. 29 апреля 2022 г.

3. Голдберг Дж. Либеральный фашизм: история левых сил от Муссолини до Обамы. М.: Рид Групп, 2012. 512 с.

4. Ильин И. Постмодернизм. М.: ИНИОН РАН, 2001. 384 с.

5. Лоу К. Жестокий континент. М.: Центрполиграф, 2013. 477 с.

6. Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. М.: Паулсен, 2016. 464 с.

7. Моссе Дж. Нацизм и культура. М.: Центрполиграф, 2003. 446 с.

8. Мюнкер Г. Империализм. Логика господства над миром. М.: Кучково поле, 2015. 400 с.

9. Пленков О. Ю. Триумф Мифа над разумом. СПб.: Владимир Даль, 2011. 608 с.

10. Социальная эпистемология. М.: Канон+, 2010. 712 с.

11. Тощенко Ж. Т. Этнократия. История и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

12. Флад К. Политический миф. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

13. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 368 с.

14. Шевцов Ю. Новая идеология: голодомор. М.: Европа, 2009. 184 с.

References

1. Al'termatt U. Jetnonacionalizm v Evrope [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj humanitarnyj universitet, 2000. 367 p. (In Russ.).

2. V Severnoj Tavrii Rossija provodit jeksperiment po denacifikacii [In Northern Tavria, Russia is conducting an experiment on denazification]. Nezavisimaja gazeta. 29 aprelja 2022 g. [Independent newspaper. April 29, 2022]. (In Russ.).

3. Goldberg Dzh. Liberal'nyj fashizm: istorija levyh sil ot Mussolini do Obamy [Liberal Fascism: The History of the Left from Mussolini to Obama]. Moscow: Rid Grupp, 2012. 512 p. (In Russ.).

4. Il'in I. Postmodernizm [Postmodernism]. Moscow: INION RAN, 2001. 384 p. (In Russ.).

5. Lou K. Zhestokij kontinent [Cruel continent]. Moscow: Centropoligraf, 2013. 477 p. (In Russ.).

6. Mettan G. Zapad — Rossija: tysjacheletnaja vojna [West — Russia: the Millennial War]. Moscow: Paulsen, 2016. 464 p. (In Russ.).

7. Mosse Dzh. Nacizm i kul'tura [Nazism and culture]. Moscow: Centropoligraf, 2003. 446 p. (In Russ.).

8. Mjunker G. Imperiizm. Logika gospodstvo nad mirom [Imperialism. Logic dominates the world]. Moscow: Kuchkovo pole, 2015. 400 p. (In Russ.).

9. Plenkov O. Ju. Triumf Mifa nad razumom [The Triumph of Myth over reason]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2011. 608 p. (In Russ.).

10. Social'naja jepistemologija [Social epistemology]. Moscow: Kanon+, 2010. 712 p. (In Russ.).

11. Toshhenko Zh. T. Jetnokratija. Istorija i sovremennost' (sociologicheskie ocherki) [Ethnocracy. History and modernity (sociological essays)]. Moscow: ROSSPJeN, 2003. 432 p. (In Russ.).

12. Flad K. Politicheskij mif [Political myth]. Moscow: Progress-Tradicija, 2004. 264 p. (In Russ.).

13. Habermas Ju. Politicheskie raboty [Political works]. Moscow: Praksis, 2005. 368 p. (In Russ.).

14. Shevcov Ju. Novaja ideologija: golodomor [New ideology: Holodomor]. Moscow: Evropa, 2009. 184 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 06.05.2022; approved after reviewing on 22.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ



Гурба Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, заведующий кафедрой «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 303

Vladimir N. Gurba — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Head of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., of. 303, Rostov-on-Don, Russia